

ШУТЪ.

Когда красавицы пируютъ
И пьютъ безумное вино
И обѣщанія даруютъ —
Мнѣ тихо ползать суждено.

Я и уродливъ, и взлохмаченъ,
И недостойнъ чувствъ людскихъ.
Но если пиръ вдругъ станетъ мраченъ,
Я веселье долженъ быть и лихъ.

Внизу обѣдки, грязь и лужи,
И пахнутъ кожей сапоги...
Но вдругъ мнѣ крикнуть:—«Ну-ка,
друже!

Намъ скучно! Горю помощи!»

И вылѣзаю съ теплой костью.

Пускай запачкана щека:

Вѣдь сердце крѣпкой дышитъ злостью,
И пѣсня смѣлая легка:

— Эй, вы, пирующие, слушай!

Собаки ваши — мнѣ друзья.

Раскидистѣй развѣсьте уши:
Все отъ друзей провѣдалъ я!

Какъ настигали, какъ ласкали
Холопныхъ женъ, какъ мяли хлѣбъ,
Какъ головы рабы склоняли,
Какъ рабскій округъ гнѣвомъ крѣпъ.

Я знаю все: къ кому въ окошко
Полѣзетъ кто на эту ночь,
И у кого на сердцѣ кошка,
И кто жену продать охочъ.

Кто да кого зарѣзать хочетъ,
Кто гнется, пляшетъ передъ кѣмъ,
И кто надъ вами тутъ хохочетъ,
Изъ васъ неслышимый никѣмъ.

Охъ, и еще я знаю (Гости,
Чего жъ вы пьете не пьяно?):
Во всякой тушѣ только кости,
Во всякой чашѣ будетъ дно!

Сергѣй Городецкій.